

ТУЛМИН (Toulmin) Стивен Эделстон (1922—1998?) — английский философ постпозитивистского направления. Доктор философии (1948, диссертация «Разум в этике», опубликована в 1949). Лектор по философии науки в Оксфорде (до 1960). В 1960-х регулярно выступал с лекциями в США.

Преподавал в Чикагском университете (с 1973). После отставки в 1992 занимается «мультиэтническими и транснациональными исследованиями», читает лекции в Швеции, Австрии, Нидерландах. Ранние работы Т. — «Вероятность» (1950), «Философия науки» (1953) и др. — содержат критику неопозитивистской концепции науки. Впоследствии «Витгенштейновская Вена» (1973, в соавторстве с А.Яником), «Способы использования аргументации» (1958), «Происхождение науки» (тт. 1—3, 1961—1965), «Предвидение и понимание» (1961), «Человеческое понимание» (1972), «Знание и действие» (1976) и др. Т. формулирует собственную исследовательскую программу в эпистемологии, основная идея которой: идея исторического формирования и эволюции стандартов рациональности и «коллективного понимания» в науке. Подход Т. конкретизируется в дискуссиях с другими представителями постпозитивизма (Поппер, Кун, Лакатос, Фейерабенд и др.) и оформляется в оригинальную эволюционистскую концепцию науки. В рамках этой концепции Т. был введен ряд эвристических понятий и представлений: «рациональная инициатива», «концептуальный отбор», «матрица понимания», «интеллектуальная экология» и др., которые задают действительность эволюционных процессов в науке. Критически оценивая биологизаторскую трактовку «интеллектуальной эволюции», данную Махом, Т. рассматривает популяционную теорию изменчивости и естественного отбора

Дарвина лишь как иллюстрацию более общей модели исторического объяснения. Прямые аналогии, по Т., здесь невозможны. В целом эта модель включает четыре основных тезиса: 1) Компромисс между «реалистической» и «номиналистической» установками в вопросе идентификации исторических образований.

Соответственно этому, эволюционное объяснение концептуального развития должно объяснить два аспекта: с одной стороны, генеалогическую последовательность и непрерывность, благодаря которым идентифицируются отдельные дисциплины, а с другой — глубокие длительные изменения, приводящие к их трансформации и смене. 2) И преемственность, и изменения объясняются в терминах единого двустороннего процесса, в данном случае процесса концептуальных инноваций и отбора. Непрерывное возникновение интеллектуальных нововведений уравнивается непрерывным процессом критического отбора концептуальных вариантов. Критический процесс в

науке выступает, таким образом, в функции управления отбором. 3)

Этот двусторонний процесс может производить заметные концептуальные изменения только при наличии дополнительных условий («интеллектуальной среды»); Должны существовать подходящие «форумы конкуренции» и «экологические ниши», в которых интеллектуальные, нововведения могут выжить в течение достаточно длительного времени, чтобы обнаружить свои достоинства и недостатки. 4) Экологические требования среды определяют локальные требования к эволюционному «успеху». Соответственно объяснение «успеха» тех или иных интеллектуальных инициатив предполагает рассмотрение «экологии» частной культурно-исторической ситуации.

В любой проблемной ситуации дисциплинарный отбор «признает» те из конкурирующих инноваций, которые лучше всего адаптируются к «требованиям» местной «интеллектуальной среды». Эти «требования» охватывают как те проблемы, которые каждый концептуальный вариант призван решить, так и другие упрочившиеся понятия, с которыми он должен сосуществовать.

Взаимосвязь понятий «экологическое требование» и «ниша», «адаптивность» и «успех» составляют предмет «интеллектуальной экологии». По Т., действительность науки в эволюционном подходе разительно отличается от неопозитивистского представления науки в виде логической системы.

Наука рассматривается Т. скорее как совокупность «исторических популяций» логически независимых понятий и теорий, каждая из которых имеет свою собственную, отличную от других историю, структуру и смысл. Как писал сам Т., «интеллектуальное содержание любой рациональной деятельности не образует ни единственной логической системы, ни временной последовательности таких систем. Скорее оно представляет собой интеллектуальную инициативу, рациональность которой заключается в процедурах, управляющих его историческим развитием и эволюцией». Таким образом, научные дисциплины выступают у Т. как исторически развивающиеся рациональные инициативы, в которых понятия находят свое коллективное применение.

Рациональная инициатива — это та «жизненная форма», в которой протекает, с одной стороны, процесс трансляции или передачи норм и

интеллектуальных средств, а с другой — вышеописанный эволюционный процесс концептуальных изменений и отбора. Наука, по Т., принципиально двойственна: это совокупность интеллектуальных дисциплин и профессиональный институт. Механизм эволюции рациональных инициатив состоит в их взаимодействии с внутри-научными (интеллектуальными) и вне-научными (социальными, политическими) факторами.

Дисциплинарный и профессиональный, внутренний и внешний аспекты науки соотносятся друг с другом по принципу дополнительности — это разные проекции одного и того же эволюционного процесса. Дисциплинарный аспект интеллектуальной истории является рациональным, оправдательным и перспективным, а профессиональный — причинным, объяснительным и ретроспективным.

Полное объяснение концептуального развития в любой рациональной инициативе на каждой своей стадии должно освещать и формирование (в каузальных терминах и ретроспективной модальности), и оправдание (в терминах рациональных оснований и перспективной модальности) проектов этой инициативы. Эволюционный подход Т. изменяет и видение самого научного мышления и представление о рациональности. В оппозиции неопозитивистским представлениям о научном мышлении как строгом следовании логическим нормам, Т. выдвигает на передний план другой тип организации научного мышления, основанный на понимании.

Понимание в науке, по Т., задается, с одной стороны, соответствием «матрицам» (стандартам) понимания, принятым в научном сообществе в данный исторический период, с другой стороны, проблемными ситуациями и прецедентами, выступающими основой «улучшения понимания».

Анализируя концептуальные точки зрения, эпистемолог должен обращаться к той ситуации понимания (или проблемной ситуации), с которой сталкивается ученый и относительно которой он решает, какие интеллектуальные средства необходимо ввести и актуализировать в этой ситуации. Таким образом, концептуальное содержание научной дисциплины определяется не только набором теоретических утверждений, подлежащих формализации, но и практическими процедурами применения интеллектуальных средств и теми функциями, которые эти средства выполнили в тех или иных проблемных ситуациях.

Сами стандарты понимания изменяются в ходе «концептуального отбора» нововведений. Поэтому научная рациональность не может определяться всеобщими логическими нормами, а скорее должна рассматриваться по аналогии с прецедентным

правом в юриспруденции. "Рациональность — это атрибут не логической или концептуальной системы как таковой, а атрибут человеческих действий и инициатив, в которых временно пересекаются отдельные наборы понятий..." Установление рациональности тех или иных инициатив представляет своего рода "судебную процедуру", а не формально-логический анализ. (По мысли Т., решающий сдвиг, отделяющий постмодернистские дисциплины современности от их непосредственных предшественников — модернистских наук, происходит в идеях о природе объективности: от бесстрастной точки зрения незаинтересованного зрителя к взаимодействию взглядов участника-наблюдателя.) Помимо эпистемологической проблематики, Т. обращался к вопросам этики и философии религии. В этих работах он стремился выявить зависимость авторитета и обоснованности моральных и религиозных суждений от принятых процедур объяснения и схем понимания, реализуемых в языковых практиках.

Так, в исследовании "Космополис" (1989) Т., анализируя феномен "современности" Нового времени, трактует революцию в естествознании этого периода как ответ на многомерный духовный кризис Европы начала 17 ст. Преодоление вселенского континентального хаоса 30-летней войны было осуществимо, по мысли Т., лишь в контексте провозглашения "Порядка" как фундамента социально-политического устройства общества. Лишь в конце 20 ст., согласно Т., в результате распространения подходов синергетики (см. Синергетика) и глобализации мировых процессов — становится осуществимой поворотная кардинальная трансформация миропредставлений человечества.

А.Ю. Бабайцев